

Ростовская финифть первой трети XIX века

М.М. Федорова

Ростовская финифть первой трети XIX века остается самым малоизученным периодом в развитии промысла. В это время не существовало никаких организационных структур, объединявших мастеров, какой была финифтяная управа. Напомню, что ремесленная управа была учреждена по Ремесленному положению в 1785 году. В ней были организованы пять цехов, первый – иконно-финифтный и живописный прекратил свое существование после 1793 года. Следующий этап существования управы – 1846 – 1882 годы. Документы о деятельности ремесленных управ неоднократно обрабатывались* и публиковались¹. Поэтому мы несколько усложнили себе задачу и попытались пополнить сведения о мастерах промежуточного периода – первой трети XIX века.

С другой стороны, XVIII век оставил нам несколько подписных произведений, которые позволили ориентироваться в коллекции живописных эмалей ростовского музея этого времени. Но в промысле, тем более иконописном, не принято было оставлять свои имена на иконах, поэтому почти весь XIX век в нашем собрании анонимный. В связи с этим исследование включало в себя работу в архивах и атрибуцию части коллекции.

Известно, что русская миниатюра в начале XIX века пережила период подъема. Романтические взгляды части общества нашли выражение в камерности миниатюрного портрета на кости, эмали, перламутре, стекле, в акварели. Успехи академической школы влияли на художественный уровень произведений провинциальных мастеров. Поэтому, говоря о ростовской финифти первой трети XIX века, нам, казалось бы, остается только найти в ней подтверждение этим общим положениям.

В монографии И.М. Суслова упоминается о шести мастерах первой половины XIX века. Среди них – Иван Павлович Медведев, Абрам Данилович Метелкин, Алексей Гаврилович Тарасов, Тютин, Григорий Николаевич Шнитов². Свои поиски мы начали с попытки проследить в XIX веке судьбу мастеров, творивших в конце предыдущего столетия.

Начнем с Сергея Кучерова – сына архиерейского кучера Петра Леонтьева. Он первый, кто упоминается в ростовских архивах, как финифтных дел мастер в 1761 году³. На некоторое время его имя пропало из документов, и создалось впечатление, что он либо уехал из Ростова, либо отошел от занятий финифтью. Но в 1795 году Сергей Кучеров показывает о себе, что про-

* Автор считает необходимым отметить, что впервые картотека мастеров ростовской финифти на основе изучения архивных материалов была составлена сотрудницей Ростовского музея-заповедника Горшковой Е.Ю. в 1986 году.

питание и содержание дому своему он имеет от иконно-финифтного ремесла и, как другие бывшие служители Ростовского Архиерейского дома, состоит в крестьянском звании, но желает вступить в купечество с необходимым капиталом в 1005 рублей⁴. Из чего следует, что Сергей Кучеров занимался эмалями, по меньшей мере, 34 года. В следующем 1796 году он уже назван в числе купцов третьей гильдии⁵. Умер Сергей Кучеров в 1809 году⁶, что не исключает возможности встретить его произведения среди работ начала XIX века. У Сергея Кучерова были сыновья – подканцелярист Иван, работал у городничего, и Тимофей⁷.

Тимофей Кучеров не упоминается в списках мастеров. Но в описи имущества церкви Бориса и Глеба, в приходе которой, видимо, Кучеровы состояли с середины XVIII века, указано, что Тимофей Кучеров осматривал церковную утварь и даже забрал ее на свое сохранение в 1809 году⁸. По Ремесленному Положению 1785 года, мастера управы привлекались к экспертизе драгоценных металлов и камней⁹. Что говорит о том, что Тимофей Кучеров мог быть либо ювелиром, либо эмальером.

Удалось уточнить дату смерти Гаврилы Андреевича Гвоздарева – 1820 год¹⁰. В этом же документе сказано, что его сын от второй жены Василий умер в 1832 году, в возрасте 33 лет. Следовательно, и его мог иметь в виду Артынов, когда писал, что умер «...рафаэль финифтной работы Василий Иванович Гвоздарев»¹¹, ошибаясь опять же либо в датах, либо в именах. Но что дает нам возможность предположить, что Гаврила Андреевич был не единственным в роду Гвоздаревых финифтянщиком, который работал в начале XIX века.

Из поля зрения исследователей прежде ускользала еще одна династия, начавшаяся в конце XVIII века. Это братья Исаевы, Петр, Семен и Тимофей, были сыновьями Ивана Исаева, пристава Ростовской духовной консистории, и Ульяны Семеновой, дочери, как написано, старинного дому Архиерейского служителя¹². Братья также являлись заштатными служителями, Тимофей и Петр Исаевы скромно упоминаются среди подмастерьев управы в 1788-89 годах¹³. Несмотря на то, что каждый из них жил отдельно со своей семьей, всю домашнюю провизию и капитал они не разделяли с матерью и кормились от финифтного ремесла, и только Яков – от земледельческой работы. Общим капиталом в 1794 году они вступали в купечество¹⁴. Старший брат Петр умер в 1805 году¹⁵. Тимофей и, что требует уточнения, Семен могли работать и после 1811 года¹⁶.

В конце XVIII века умирают Андрей Петров Мелехин (в 1794 году)¹⁷, Андрей Перебойников (в 1795 году)¹⁸, Михаил Иванов Метелкин – в 1801 году¹⁹.

Видимо, удачно шли дела у Николая Петрова Дьячкова. Его капитал, в отличие от Перебойникова и Москаleva, которые могли расчитывать только на переход из крестьян в посадские, позволил ему в 1794 году стать купцом третьей гильдии²⁰. В этом сословии он упоминается в документах 1811 и 1823 годов²¹. Но в

1825 году Николай Петров, как и его сын Николай Николаев, торговали уже не финифтью, а чаем, сахаром и прочим²². Пролеживает связь Николая Дьячкова с Гавриилом Елшиным. У Елшина не было детей, но в его доме жила солдатская вдова, жена брата Николая, Евдокия Иванова, с дочерью Анной²³. Анна Николаевна стала матерью Николая Дьячкова²⁴. В 1779 году, когда умер Гавриил Елшин, Николаю Дьячкову было 17 лет. Таким образом, он реально мог научиться финифтяному ремеслу у двоюродного деда, в доме которого выросла его мать. Умер Николай Петров Дьячков в 1825 году²⁵.

Для нас центральной фигурой этого периода является мастер Яков Иванов Шапошников, которому принадлежит единственная подписная миниатюра этого времени «Воскресение Христово»²⁶.

В Ростове тогда жили две купеческие фамилии Шапошниковых. Федор Иванов Шапошников числился в приходе церкви Архангела Михаила из бывшей Зачатьевского и Яковлевского монастыря подмонастырской слободы²⁷. В купечество он вступил еще в 1780 году²⁸. И у него были сыновья Иван и Яков, но 1732 и 1734 годов рождения, что не могло относиться к мастерам, работавшим, в том числе, и в середине XIX века. Яков Федоров Шапошников в 1794 году был уволен из Ростова в Санкт-Петербургское купечество²⁹. Иван Федоров Шапошников был церковным старостой в церкви Архангела Михаила, в приходе которой состоял круг финифтянщиков, проживающих в подмонастырской слободе³⁰.

Основатель другой династии Шапошниковых, Иван Иванов, был крестьянином оброчных слобод Архиерейского дома³¹. Его сын Иван стал отцом будущих финифтянщиков Якова, Ивана и Автонома Шапошниковых. Яков был первым мальчиком в этой большой семье – восемь выживших детей³². Он был старше Ивана на 13 лет. В 1808 году Яков с семьей еще жил доме деда и отца в приходе церкви Преображения Господня³³. В 1809 году он отделился. Дед, Иван Иванов Шапошников, вступил в купечество в 1809 году³⁴ с капиталом, возможно, нажитым не финифтью, так как если мы имеем подписанное произведение Якова Шапошникова 1809 года, то его отец, Иван Иванович, в 1825 году еще торговал шапками и картузами³⁵. Дед умер в 1813 году³⁶, в этот год, как пишет А.А.Титов³⁷, была основана фирма Шапошниковых, видимо, уже эмальерная.

Мастер прожил очень долгую творческую жизнь – около 50 лет, ведь в 1848 году он еще обучал учеников³⁸.

Живописная школа Шапошниковых высоко ценилась в Ростове. Кроме Якова Ивановича, учеников имели Иван Иванович³⁹, Евгений Яковлевич⁴⁰, Василий Григорьевич⁴¹.

В документах 1845-47 годов Яков Иванович упоминается как купец третьей гильдии, который занимается финифтяным мастерством с 4-мя работниками⁴². В 1848 году мастерами становятся его сыновья Евгений и Алексей⁴³.

Брат Якова Ивановича, Иван Иванович, если и выучился мас-

терству вместе с Яковом, как пишет Фуртов⁴⁴ (если не имеет в виду другого брата, Автонома), то преуспел в нем позже. В 1848 году Иван и Автоном Шапошниковы значатся мещанами⁴⁵, правда, до 1845 года Иван был купцом третьей гильдии⁴⁶. В 1854 году Иван объявляет отдельный от отца капитал.

Жил Яков Иванович в собственном доме на Успенской улице, ныне Бебеля⁴⁷. Хочется отметить, что в XIX веке мастера, в основном, жили уже не около Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря в подмонастырской слободе. В этом районе города дома имели девять мастеров на Архангельской улице (среди старых названий улиц я ее не нашла, поэтому предполагаю, что она находилась рядом с церковью Михаила Архангела), и двое — на Яковлевском (Энгельса).

Пятеро финифтянщиков жили на Благовещенской (Луначарского), по четыре мастера — на Успенской, Козьмодемьянской (Перовский переулок), Всехсвятской (Октябрьской), Окружной. Крупные мастера селились вблизи торгового центра. Остальные — по одному, по двое — были рассыпаны по всему городу⁴⁸.

Как редкое подписное произведение, миниатюра «Воскресение Христово» постоянно выставляется под 1809 годом. На ее обратной стороне на контрамали надпись черной краской «Иждевением и трудами ростовского купеческого сына Якова Иванова Шапошникова» и дата. Но дата выполнена нечетко. И в инвентарной карточке она воспроизведена с пропуском третьей цифры, которая в последние годы и читалась как 0 — т.е. 1809 год. В ряду близких по времени произведений эта пластинка выделяется более профессиональным уровнем исполнения и, надо сказать, украшает коллекцию. Причем сразу возникают ассоциации с академической школой, ведь на начало XIX века падает расцвет класса миниатюрной живописи в Академии художеств, когда в нем обучалось самое большое число учеников. Поэтому появилось желание проверить их списки — не учился ли там Яков Иванович Шапошников. И действительно, это произведение адресует нас в Санкт-Петербург, но не в Академию художеств, а в Казанский собор, где до недавнего времени экспонировалась дарохранительница с эмалевыми миниатюрами, выполненными ведущим миниатюристом на эмали конца XVIII — начала XIX века Дмитрием Ивановичем Евреиновым. Пластина Якова Шапошникова не только в деталях повторяет миниатюру Евреинова, но и близка к ней по размеру. У Евреинова — 17,5x11, у Шапошникова — 10,7x7,5⁴⁹. Но Шапошников воспроизводит не всю миниатюру — на овальной пластине он пишет центральную часть произведения прямоугольной формы, и при этом несколько смешает центр тяжести композиции. Евреинов закончил работу над дарохранительницей в 1807 году. Ростовская миниатюра, как уже говорилось, в течение последних пятнадцати лет датировалась 1809 годом. Поэтому и возник вопрос о том, откуда могла взяться столь ранняя копия.

Пластина «Воскресение Христово» попала в ростовский музей из Ярославского путем обмена в 1929 году, поэтому уточнить ее

происхождение не представляется возможным. Ее контрастная эмаль имеет неровную и, к тому же, блестящую поверхность, но если пластину расположить углом к свету, то на фоне сплошного блика видна черная матовая надпись, которую мы можем прочитать и как 1839, и как 1849, и даже как 1859 годы. Умер мастер в 1851 году от водяной болезни⁵⁰. Таким образом, 1859 год в датировке пластины отпадает. В любом случае, мы теряем раннее произведение Якова Шапошникова, но события приобретают внутреннюю логику. Миниатюры Евреинова, столь популярные еще в начале века, видимо, репродуцировались в печати. Откуда мог снять кальку Шапошников, ведь его миниатюра выполнена в зеркальном отражении по отношению к работе Евреинова. В ростовской финифти середины XIX века имели место академические копии, пример тому работы Сальникова или Рыкунина.

Но возникает другой вопрос. Яков Иванович родился около 1789 года⁵¹. Кроме ростовской миниатюры мы имеем дробницу «Добрый пастырь», опубликованную в альбоме «Русская эмаль XVII - XX века». Из собрания музея имени Андрея Рублева⁵², где четко читается – «1809, октябрь, работ Яков Шапошников», т.е. Яков Шапошников писал миниатюры на эмали около 40 лет. Учитывая короткий срок творческой жизни художников-миниатюристов, это почти невероятно.

С другой стороны, если мы изымем миниатюру «Воскресение Христово» из начала XIX века, а отнесем туда поздние работы Всесвятского или дробницы на митрах, о которых будет сказано ниже, или ростовскую дробницу «Спас Вседержитель», близкую подписанной миниатюре «Добрый пастырь», то развитие живописи по эмали в Ростове выглядит более последовательно. В близких в техническом отношении работах мы видим усиление роли цветового пятна, которое становится более насыщенным, преобладание статичных фигур, фон остается сплошным, но и более глубоким, при стремлении к объемной моделировке формы.

По существующей в настоящее время раскладке, из более чем двух с половиной тысяч единиц хранения, в первой трети и даже в первой половине XIX века, выполнено не более 50 штук, и все они относятся к кругу произведений Я.И. Шапошникова. При этом основную часть выделенных в этот круг работ, составляют произведения близкие в середине века. Объяснить такую повышенную осторожность в датировках просто. Как уже говорилось, миниатюра Якова Шапошникова является единственным подписанным произведением, от которого можно отталкиваться в своих выводах. Но в эти годы Яков Шапошников работал не один, более того, А.А. Титов считал, что именно в эти годы мастерство местных финифтяников достигло «эпогея своего совершенства»⁵³. Поэтому, пользуясь архивными изысканиями, мы попытались расширить круг миниатюр этого периода.

Здесь мы укажем только вновь выявленные памятники, относящиеся к первой трети XIX века.

В «Книге поступивших церковных вещей за 1808-1837 годы»

Богоявленского Авраамиева монастыря находим, что в 1814 году поступила архимандричья шапка, «...на которой по золотой плетеной бити наложены тринадцать финифтятых образов кои обнизаны настоящим жемчугом... около первых пяти образов: Господа Саваофа, Спасителя, Божией Матери, Предтечи и Преподобного Авраамия сияние вынизано из среднего сорта – около четырех образов херувимских травы из мелкого сорта и под каждым из сих образов по одной крупной жемчужине уродливой и т.д.»⁵⁴; после описания еще трех митр – пометка: «оные шапки сделаны из трех прежних ветхих шапок ...из хранящихся в ризнице жемчуга и крестов»⁵⁵. Из Авраамиева монастыря в музей поступили две митры. В цитируемом документе мы также находим только две митры с живописной эмалью. Митра под номером КП-9807, прежде датированная рубежом XVIII - XIX веков, полностью совпадает с приведенным выше описанием. Одна из украшающих ее миниатюр выполнена раньше, чем остальные, и близка к кругу произведений Якова Шапошникова. Чему мы также находим подтверждение в документе, где указано, что митры собирались из материала «прежних ветхих шапок».

По описям, много митр с эмалью было в Борисоглебском монастыре. Только до 1823 года их было шесть. В музей поступило тоже шесть архиерейских шапок, но из них четыре выполнены не ранее середины XIX века. И только одна полностью соответствует документу. Митра под номером КП-15295, прежде датированная XVIII веком, упоминается в описи имущества монастыря 1804-1823 годов. В 1804 году – «...по желтой насыпи шита серебром по фольге разные цветы по местам с блестками на ней девять штук финифтятых вверху Отечество по ниже по сторонам четыре Евангелиста а внизу Спаситель, Богородица, Предтечи и благоверных князей Бориса и Глеба штуки обложены серебром, опушка бахромою серебряною, подложена белою тафтою»⁵⁶.

В нашем собрании есть еще одна митра (КП-15360) из Борисоглебского монастыря с прекрасными эмалями, которые прежде относили к кругу П. Иванова. Она почти полностью совпадает с описанием митры, поступившей в монастырь в 1808 году, и даже в таких деталях, как «...по верху Серафимов четыре штучки старинные серебреные и позолоченные две четырехугольных к две круглых с камешками красными зделанными под финифть около Серафимов нашиты звездочки три цельные ...»⁵⁷ и т.д. Но наша митра прежде была розового, а не голубого бархата. Можно предположить, что митра была перешита с точным соблюдением прежнего декора, хотя обычно, когда меняют ткань, его не сохраняют. Но и в этом случае на ней нашиты дробницы начала XIX века.

Из Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря поступило пять митр с эмалью, но из них ни одна не совпадает точно с указанными в описях.

Судя по наборам миниатюр, в музей при закрытии церквей везли, прежде всего, напрестольные Евангелия, т.к. сейчас мы можем найти традиционный ансамбль из пяти дробниц (Воскрес-

сение и четыре Евангелиста), поступивший почти из каждого храма Ростова. Из них сохранилось только 6. И все с более ранними миниатюрами. Кроме Евангелия с пластиной М. Водовозова 1868 года.

Из множества потиров сохранилось только три, все с миниатюрами первой половины XIX века, но и с московскими клеймами.

В описях часто встречается указание на то, что поступивший предмет - московской работы. В нашем собрании миниатюр первой половины XIX века, на оправе которых стоит или прежде стояло, что указано в инвентарных книгах, московское клеймо, в несколько раз больше, чем миниатюра, которые мы можем без сомнения признать ростовскими. Не исключено, что из-за московских клейм мы теряем из поля зрения часть ростовских миниатюр. Ведь известно, что в XVIII веке ростовские миниатюры отправляли в Москву, где их освобождали от старых драгоценных оправ и могли использовать повторно для вновь построенных вещей. Ветхая церковная утварь и в XIX веке использовалась как лом, но почему тогда новую утварь клеймили не в Ярославле, а в Москве? Можно предположить, что московские ювелиры могли покупать ростовские миниатюры, как более дешевые, а потом использовать их в своей работе, хотя в Москве было достаточно своих эмальеров. Вопрос остается открытым.

Промежуточным итогом нашей работы можно считать, что, кроме мастеров, упомянутых в книге Суслова, мы можем назвать также Сергея и Тимофея Кучеровых, Гаврилу и Василия Гвоздаревых, Петра, Семена и Тимофея Исаевых, Николая Дьячкова, Якова, Ивана и Автонома Шапошниковых. Из работающих мастеров начала века известны также священники Алексей Всесяятский и Александр Федоров, штатный мастер Спасо-Яковлевского монастыря Александр Алтынов, известные сведения о которых уже публиковались. Кроме того, были уточнены датировки нескольких произведений этого периода.

¹ Суслов И.М. Ростовская эмаль. Ярославль, 1959; Сазонова Е.И. Организация финифтяного промысла в Ростове в конце XVIII-XIX вв. // СРМ. Ростов, 1992. Вып. III. С. 9-35.

² Суслов И.М. Ростовская эмаль.

³ РФ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 3101. Л. 24 об.

⁴ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2974. Л. 15 об.

⁵ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3100. Л. 89 об.

⁶ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3741. Л. 60 об.

⁷ РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 153. Л. 2 об.

⁸ РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 149. Л. 4.

⁹ РФ ГАЯО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 41. Л. 45 об.

¹⁰ Архив ГМЗРК. КП-10055/239, С. XCVI.

¹¹ РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 3582. Л. 129.

¹² РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2974. Л. 61.

¹³ РФ ГАЯО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

¹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2866. Л. 10 об.-11.

¹⁵ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3741. Л. 59 об.

¹⁶ Там же.

- 17 РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2974. Л. 19 об.
 18 РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2974. Л. 9 об.
 19 РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3741. Л. 79.
 20 РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2953. Л. 69 об.
 21 РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3741. Л. 17.
 22 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1214. Л. 130 об.
 23 РФ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4150. Л. 7.
 24 РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 150. Л. 13, 19 об.
 25 РФ ГАЯО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 41. Л. 49 об.
 26 ГМЗРК. Инв. № Ф-2062.
 27 РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1224. Л. 70 об.
 28 РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 622. Л. 12.
 29 РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2959. Л. 188.
 30 РФ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 8507. Л. 7.
 31 РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1257. Л. 2.
 32 РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3741. Л. 21; Ф. 196. Оп. 1. Д. 2257. Л. 51.
 33 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 775. Л. 15 об.
 34 Там же.
 35 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1214. Л. 134 об.
 36 РФ ГАЯО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 19. Л. 36 об.
 37 Титов А. А. Подробный отчет о Ростовской выставке 1880 года. Ярославль, 1880. С. 86.
 38 РФ ГАЯО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 298. Л. 1.
 39 Там же. Л. 1 об.
 40 Там же. Л. 1.
 41 Там же. Л. 2 об.
 42 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2346. Л. 17 об.
 43 РФ ГАЯО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 289. Л. 1.
 44 Фуртов К.А. Финифтяное производство. Пособие для мастеров. М., 1911. С. 6.
 45 РФ ГАЯО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 298. Л. 1 об., 2 об.
 46 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2346. Л. 17 об.
 47 РФ ГАЯО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 298. Л. 1.
 48 Там же. Л. 1-3.
 49 Комелова Г.Н. Русская миниатюра на эмали. СПб., 1995.
 50 РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 38. Л. 125 об.
 51 РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1257. Л. 2; Ф. 1. Оп. 1. Д. 924. Л. 39.
 52 Русская эмаль XVII - XX века. Из собрания музея имени Андрея Рублева.
 53 Кустарные промыслы Ярославской губернии. 18. Финифтяный промысел. Ярославль, 1902. С. 3.
 54 РФ ГАЯО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 204. Л. 10 об.
 55 Там же. Л. 11.
 56 РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 155. Л. 30.
 57 РФ ГАЯО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 77. Л. 9 об.